

Проснувшись, первым делом тянусь к вороту пижамы и проверяю, на месте ли кулон, в котором я храню засушенный четырехлистный клевер. Пусть независимое исследование, проведенное в Швейцарии, и уверяло, что один четырехлистный клевер выпадает на 5076 трехлистных, мне понадобилось четыре месяца, чтобы такой найти.

Глажу кулон, говорю: «Удача, удача, я стану богаче», — затем встаю с кровати с правой ноги.

Надеваю браслет с подковой, кольцо с лунным камнем, сережки с желудями. Это дает мне слабую уверенность, что, пока я собираюсь на работу, мой дом не рухнет.

Давайте знакомиться: меня зовут Вика, и я хроническая неудачница. Если бы я жила в двенадцатом дистрикте, меня бы выбрали для участия в «Голодных играх». Так что, возможно, это единственная моя удача в жизни — я не в Панеме.

Неудачницей я была всегда, сколько себя помню. Расскажу вам один случай из жизни, чтобы вы поняли, насколько все плохо.

Был конец марта, я, двенадцатилетняя, шагала в резиновых сапогах домой. Добиралась коротким путем — через гаражи, по узкой грязной тропинке. И вдруг услышала

хор мальчишеских голосов: все смеялись, улюлюкали. Среди этих голосов был и другой, жалобный.

— Ешь, ешь, ешь!

— Не буду, отстаньте!

Я нахмурилась, сразу поняла, чем пахнет дело: толпа издевается над слабым! Этого я допустить не могла, поэтому живо дернулась в сторону голосов.

Выйдя к одному из гаражей, я увидела, как стайка мальчишек — человек пять, примерно мои ровесники — заставляют самого низенького и щуплого есть грязный снег с маленькой, не до конца растаявшей кучки. У мелкого были заплаканные глаза, да и вообще выглядел он крайне несчастным.

Я выпрямилась, расправила плечи и грозно двинулась на обидчиков.

— Эй вы! Чего маленького обижаете?

Все головы разом повернулись ко мне.

— О-хо-хо! Это что за каланча? — заржал один из мальчишек.

— Столб! — подхватил другой.

— Дядя Степа!

— Вали отсюда, башня, пока в башню не получила!

Все засмеялись над «остроумной» шуткой.

Но оскорблении мальчишек не выбили меня из колеи. С самого первого учебного дня я была выше всех в классе на голову, а то и полторы, и насмешки сыпались на меня постоянно. Обидные прозвища вроде «Шпала» или «Швабра» приклеились ко мне на все школьные годы.

Валить я не собиралась. Вместо этого нашупала в кармане свисток — нас на ОБЖ научили всегда носить с собой свисток, чтобы отпугивать хулиганов, — достала его,

сделала шаг и... поскользнулась. Пятачок льда был крошечным и, думаю, единственным в радиусе тысячи километров.

Правая нога взорвалась вспышкой боли.

— А-а-а! — закричала я. — Нога! Нога!

Дальше произошло удивительное. Мальчишки не расстерились, позвонили в скорую. Сообразили, что машине между гаражей никак не проехать, поэтому где-то раздобыли санки. И вот все присутствующие — и обидчики, и их жертва, — действуя слаженно и перекрикивая друг друга, покатили меня на санках по грязи к выходу из проулка.

— Да помедленнее, не так трясите! А ты, — обратился один из обидчиков к жертве, — под ногу ей куртку застянь, чтобы толчки гасить!

Меня выкатили к дороге, дождались приезда скорой. Про то, что компания, вообще-то, издевалась над одним из ребят, уже забыли. Все говорили только про мою ногу.

— Да вывих это!

— Перелом у нее, я тебе говорю! Вон, видишь, кость торчит?

— Она в этом месте у всех торчит, придурок! Глянь свою ногу, там так же!

— Ни фига не так же!

Рентген показал, что у меня тяжелый перелом. Заживала нога долго и мучительно. Что было дальше с тем мальчишкой, над которым издевались, не знаю. Я его больше никогда не видела.

Я живу со своей семьей в трехкомнатной квартире. Одну комнату занимают родители, другую — старший брат с женой и сынишкой, а третью — дедушка. Где сплю я? В гардеробной. Там умещается матрас, и если положить

подушку на полку, а ноги — на ящик с игрушками, то мне, с моими ста восьмьюдесятью сантиметрами роста, даже не придется складываться.

Просыпаюсь я всегда в одно и то же время независимо от того, рабочий день у меня или выходной. Дело в том, что в ванную утром всегда очередь. И мое окошко — между племянником Костиком и дедушкой. Если не успею перед дедушкой, то в ванную без противогаза следующие два часа не зайти.

Квартира утром похожа на муравейник. Оля, жена брата, бегает за Костиком, чтобы одеть его в детский сад, брат Слава все время что-то теряет и ко всем пристает: «Где мои ключи? Не видели кошелек? Куда делись мои очки?» Папа бездумно слоняется по квартире с чашкой кофе, засыпая на ходу. Мама носится электровеником, хватаясь за десять дел одновременно. Хорошо, что дедушка обычно в это время еще спит.

Дергаю дверь совмещенного санузла — занято. К моему удивлению, я слышу, как внутри кого-то рвет.

— Мам, у нас кто-то отравился? — недоуменно спрашиваю я, тупо смотря на дверь. Рядом с ванной — кухня, где мама возится с завтраком: открывает упаковку готовых сырников и ставит их в микроволновку.

— Не слышала — удивляется мама, которая обо всем происходящем в нашей семье узнает первая. — А что такое?

— В туалете кому-то плохо.

Мама почему-то смущается. И тут дверь открывается. По привычке я смотрю перед собой — у нас в семье все высокие, — но никого не вижу. Потом опускаю взгляд и замечаю на уровне груди макушку Оли. Все время забываю, что невестка коротышка.

Ей тяжело живется в семье великанов. Чтобы сэкономить место, мы забиваем вещами все пространство до потолка. На кухне у нас выстроена башня: стиральная машина, на ней духовка, а на самом верху — микроволновка. Бедной Оле постоянно приходится вставать на стул, чтобы погреть еду.

Лицо у невестки сейчас совершенно зеленое.

— Что с тобой? — спрашиваю я. Оля отмахивается.

— Все нормально.

— Ты что, беременна? — шучу я.

Оля с мамой переглядываются так, будто от меня в этой семье что-то скрывают.

Я ахаю.

— Ты правда беременна!

— Ага, — нехотя признается Оля.

— Какой месяц?

— Четвертый.

— Что?!

Я ожидала услышать, ну там, первый или второй, но четвертый?

— И вы все это время молчали?! — Я в полном изумлении смотрю то на маму, то на Олин живот, не понимая, чего во мне сейчас больше — радости от новости, что у меня будет второй племянник, или возмущения, что мне так долго ничего не рассказывали. — Мам, ты ведь все знала!

Мама делает вид, что слишком увлечена разогревом сырников.

— Все знали, кроме меня!

— Вик, так Славик решил. — Оля садится за кухонный стол, обмахивается полотенцем.

— Что решил Славик? — Мой брат-гигант втискивается в тесное пространство кухни.

— Вы больше трех месяцев скрывали от меня, что ждете ребенка! — возмущаюсь я.

Брат примирительно улыбается.

— Витец, ну прости, нужно было перестраховаться.

— Перестраховаться? От чего? — бурчу я, садясь на стул. Раздается глухой «хрясь!», тут же еще один — и я оказываюсь на полу.

— От этого. — Брат кивает на мой стул, ножки которого решили сломаться в самый неподходящий момент.

— Когда мы пойдем в цирк? — В кухню заглядывает дедушка. Он уже много лет несколько не в себе. Наполовину — в реальном мире, а наполовину — в каком-то своем. И часто я думаю, что не прочь бы пожить в дедушкином мире. Там хотя бы есть цирк.

— У нас тут свое представление, — отвечает брат, помогая мне подняться. — С грустными клоунами.

Я наступаю брату на ногу, он ойкает.

— Мое невезение, между прочим, распространяется только на меня одну. — Скрежещу зубами, потирая ушибленный затылок, и переключаюсь на мысль о том, что скоро у меня появится второй племянник.

Я обожаю быть тетей. С Костиком можно здорово по-дурачиться, а когда надоест, достаточно просто вернуть его родителям. Эти мысли сменяются другими: когда дети подрастут, у меня, вероятно, заберут гардеробную, и мне придется спать в коридоре...

— Не только на тебя одну, — качает головой брат. — Стиральная машина нужна была всем.

Дома меня не подпускают ни к какой технике. Стоит мне до чего-нибудь дотронуться — оно обязательно ломается. Это уже случилось и с утюгом, и с блендером, и с пылесосом, и вот, в последний раз, — со стиральной

машиной. На этом родные поставили точку и объявили, чтобы я ни к чему не прикасалась. На самом деле это довольно удобно: теперь за меня и стирают, и гладят, и пылесосят. Хоть какой-то плюс от моего хронического невезения!

— Давайте завтракать. — Мама расставляет тарелки на столе. — Папа, садись.

— Мне нужно по делам! — важно заявляет дедушка и хватается за дверную ручку санузла.

— Нет! Только не до завтрака! — хором кричат все, но дедушка уже исчезает за дверью. И тут я понимаю, что пропустила свое окошко.

Не помню, был ли какой-то конкретный момент, с которого я стала невезучей. Мне кажется, невезение было со мной всегда.

Взять, например, школу. С учебой мне никогда не везло: учителя постоянно вызывали меня к доске, когда я не была готова, на экзаменах мне доставались самые плохие билеты. А однажды на лабораторной по химии из-за меня трое человек попали в больницу с отравлением: мы проводили опыт с сухим льдом, в результате которого выделялся углекислый газ, и я перестаралась.

Школу я кое-как окончила на тройки и ни в какой университет, естественно, не поступила. Но я и не особо стремилась — знала, что ничего не выйдет и никуда меня не возьмут. Поэтому я пошла работать официанткой в забегаловку «Гнутые вилки». Мне кажется, название кто-то предложил по приколу, а владельцу оно отчего-то показалось креативным. Название и вправду подходит заведению как нельзя лучше, но не думаю,

что идет ему на пользу. Сейчас мне двадцать, я все еще тружусь в «Гнутых вилках» — и уже один этот факт ставит на мне клеймо невезучей.

Новые зарядки и наушники у меня сгорают через три дня, мебель подо мной ломается, птицы постоянно гадят на голову, в магазине я встаю в самую медленную очередь, одежда расходится по швам в самый неподходящий момент, а когда я выхожу из дома, всегда начинается дождь — как будто надо мною постоянно висит личная грозовая туча. Я часто становлюсь жертвой мошенников и карманников: в интернете меня постоянно взламывают, с карты крадут деньги, на улице вечно что-нибудь выхватывают прямо из рук. Как-то у меня выдернули ананас и полку для ванной. А самое эпичное случилось, когда вор спер у меня мусорный пакет, доверху забитый использованными подгузниками Костика. Домашние потом долго надо мной смеялись, называли моего вора самым неудачливым вором в мире и шутили, что мы с ним могли бы стать отличной парой. Но мне было не смешно, ведь это моя жизнь.

У черного кота, которого я взяла из приюта, вылез целый ворох проблем, начиная от гиперестезии (бедолага до крови грызет себе хвост, вырывает клоки шерсти с попы, и вообще он тот еще садомазохист) и заканчивая тем, что кот совершенно не может определять расстояния и все время промахивается. Хочет выйти из комнаты — врезается в дверной косяк. Собирается прыгнуть с дивана на подоконник — приземляется посередине. И так как питомец может посоревноваться со мной за титул самого невезучего, то посередине обязательно оказывается то, на что приземлиться он

хотел бы меньше всего: например, мамин игольчатый массажный коврик.

Собственно говоря, так я и выбирала кота — по неудачливости. Остальные кошки в приюте спали, что-то грызли или играли, а бедняга Лаки, застряв головой в прутьях клетки, истошно орал. Когда я увидела эту несчастную морду, то поняла: это судьба.

Перед выходом из дома я собираю вещи, без которых не рискую появляться на улице: запасная одежда, огромная аптечка, второй телефон, карта, заламинированная распечатка всех важных телефонных номеров, несколько банкнот и паспорт (в непромокаемом чехле), отпугиватель собак, сигнальная ракета, перочинный нож, веревка, зонт, дождевик, водонепроницаемые чехлы на обувь, антисептик и многое-многое другое. Из самого необычного, пожалуй, — шлем и портативный женский писсуар. Я довольно часто застреваю в лифте, а на голову мне почти каждый день что-то падает. Как-то на меня приземлился кусок пиццы. И судя по тому, что удар вышел очень болезненным, пиццу выкинули этажа с пятого, не ниже. Спасибо уже за то, что это было не пианино. Но с тех пор я прохожу под балконами со шлемом на голове.

Шлем у меня красивый, кожаный, для верховой езды. Если сильно не приглядываться, его можно принять за стильную кепку. Так что прохожие не слишком удивляются, почему я иду по улице в шлеме. Но Кира, моя школьная подруга, впала бы в ужас, если бы увидела меня в таком виде. И ни за что не согласилась пойти со мной, пока я бы не переоделась. Такое случалось постоянно: если ей не нравился мой вид, она отправляла меня переодеваться...

Поймав себя на том, что снова думаю о Кире, я грустно улыбаюсь своему отражению. Хоть мы и не общаемся много лет, раны, которые она мне нанесла, еще не затянулись.

Толкаю дверь подъезда, немного мешкаю в проеме, собираясь с духом, словно выхожу на гладиаторскую арену. А до работы мне всего пятнадцать минут пешком.

На дворе вторая половина октября. Низкое осенне солнце, озаряющее все вокруг мягким желтым светом, почти не ощущается на коже. Асфальт блестит от луж, в воздухе стоит запах прелых листвьев и мокрой земли.

Надеваю свой стильный шлем и делаю шаг вперед.

Что же произойдет в этот раз?

Сначала меня окатывает водой поливальная машина, смывающая грязь с дороги, затем, когда я прохожу мимо дворника, который сгребает листья, поднимается ветер, и вся куча оказывается на мне. Листья прекрасно липнут к мокрому, и я теперь напоминаю гигантского осеннего ѿти. По моей ноге проезжаются тележкой, я наступаю в лужу и проваливаюсь по щиколотку, какой-то ребенок тычет в мою куртку мороженым, из овощной палатки на меня валятся помидоры.

И вот я на работе. Днем это столовая, вечером же заведение превращается в пивнушку. В воздухе неизменно стоит микс запахов столовской еды и кислого пива. Удивительно, но народу здесь всегда прилично: сюда заходят пообедать рабочие консервного завода (где, кстати, трудится мой папа), а дешевое пиво и веселые акции привлекают клиентов по вечерам.

Хотя по документам я тут официант, на деле в мои обязанности входят и уборка, и починка, и мытье посуды, и многое другое. Директор этого заведения в курсе

моего невезения и закрывает глаза на то, что из-за меня тут постоянно что-то идет не так. Видимо, желающих делать такую работу за мою зарплату не так уж много.

Удивительно, но за день в «Гнущих вилках» слушаются только две неприятности: днем вырубает электричество, а вечером, неся два подноса с пивом, я поскользы-ваюсь и, уронив оба, падаю на осколки.

У меня сменный график: два дня работаю по двенадцать часов, затем два отдыхаю. Поэтому на следующий день, в пятницу — в свой выходной — встречаюсь с другом в баре. Я прихожу первая и машу ему, как только замечаю у входа высокую фигуру.

С Мироном мы дружим еще со школы, и так как внешне мы похожи, нас часто принимают за брата и сестру. Мы одного роста, носим один размер одежды, у нас обоих светлые непослушные волосы (которые у Мирона из-за короткой прически смешно торчат в разные стороны) и резкие черты лица.

Но если бы меня попросили нарисовать Мирона Березина, он бы получился у меня таким: желтый «Лифан Смайли» с наклейкой на заднем стекле в виде полосатого кота, очки в мятной оправе, малиновый стаканчик для кофе в руках как неизменный аксессуар, уродливый брелок-шар из перьев, висящий на лямке мешковатого рюкзака, и узкие джинсы (бунт против трендов).

Как же я благодарна судьбе за то, что она послала мне Мирона. Без него я бы совсем пропала. С дружбой, как и со всем прочим, мне никогда не везло, но Мирон был исключением.

До встречи с ним у меня была одна-единственная подруга — та самая Кира. «Токсичная подруга», — поправляет меня мой внутренний психотерапевт. Каждый раз,

когда я вспоминаю Киру, он просит добавлять это определение.

Так вот. Моя токсичная подруга Кира общалась со мной только тогда, когда это было нужно ей, самоутверждалась за мой счет и использовала как грушу для битья: выплескивала на меня свою злость за то, в чем я даже косвенно не была виновата. У меня не было никакого опыта в дружбе, и я считала, что такое обращение — норма. Сама «подруга» постоянно подливала масла в огонь и повторяла, что у нас с ней абсолютно нормальные взаимоотношения. И если мне что-то не нравится, то это я странная. И я ей верила.

Все изменилось, когда я смогла оборвать эту «дружбу» и встретила Мирона.

Мирон переехал в наш район и поступил в нашу школу, когда я перешла в девятый класс, а он — в десятый.

В начале того года нас двоих отправили помочь с организацией городского марафона. Мы размечали трассу дорожными конусами. Трасса была пятикилометровая, так что работа предстояла долгая, и нам надо было о чем-то болтать. Вот мы и болтали, выяснили, что у нас много общего и вообще нам двоим здорово друг с другом.

Мирон — настоящий. Он невероятный друг: добрый, отзывчивый, внимательный, готовый прийти на помощь в любую минуту.

Но есть в Мироне и один недостаток. Он гуру сайтов знакомств и больше, чем свою, хочет устроить мою личную жизнь, постоянно предлагая мне кандидатов для свиданий. Поправка: *предлагал*. Последние три романа были настолько неудачными, что я еще

не отошла от них и пока не собиралась вступать в новые отношения.

Один парень попросил у меня денег в долг и исчез. Потом вскрылось, что он не только взял в долг, но еще и оформил на меня кредит. Мне пришлось обивать пороги разных организаций и доказывать, что это не я.

Второй парень требовал чуть ли не ежеминутных отчетов с фото: где я, с кем и что делаю. Везде искал потенциальную измену и постоянно ко всему цеплялся. Это быстро меня утомило. Последней каплей стало другое. Дело в том, что у меня есть хобби: в свободное время я пишу книгу (расскажу о ней чуть позже). И этот парень попросил прочесть ее, а после пришел ко мне с десятистраничным отчетом с замечаниями. Где-то на пятой странице, устав слушать об «отсутствии внутреннего стержня» у моей героини и «слабой, невнятной структуре сюжета», я сказала, что нам надо расстаться.

Третий парень сначала показался нормальным, но как только дело дошло до постели, вскрылось, что у него не все дома. Он хотел, чтобы во время секса у меня на голове было мусорное ведро.

Сам Мирон в отношениях не состоит. Но не потому, что ему не везет, а потому, что слишком уж длинный у него список критерииев к спутнице жизни. Например, его избранница должна любить черепах и быть «жаворонком».

Как только мы садимся за столик, Мирон с ужасом останавливает взгляд на моих перебинтованных руках.

— Ерунда, — опережаю я его вопрос. — Всего-то уронила пару подносов с пивом и приземлилась сверху.

Правда, начальник обещал вычесть расходы из моей будущей зарплаты, а я и так торчу Славику пять тысяч...

Мирон сочувственно качает головой.

— Викусь, может, поищешь другое место? — спрашивает он. — Твоя работа — кошмар. Вон, Катя начинала с официантки в «Бегемоте», — упоминает он модный ресторан, — и поднялась там уже до менеджера. А она пришла позже тебя.

Я морщусь. Не люблю разговоры про чужой успех, а еще когда меня сравнивают с кем-то и намекают, что я ни к чему не стремлюсь и болтаюсь в проруби, как то самое.

— Все бессмысленно, — вздыхаю я. — Меня не берут в приличные места. Я им все время не подхожу.

Мирон смотрит на меня недоверчиво.

— Когда ты в последний раз подавала куда-нибудь рецензию?

— Не знаю, может, год назад, — неуверенно говорю я. — Или полтора.

— Вот! — победно восклицает Мирон. — А говоришь, не берут!

К нам подходит официант. Я заказываю коктейль «Удача викинга» с медом и можжевельником, Мирон останавливается на чем-то попроще — просит пиво. А вот Кира обязательно потребовала бы, чтобы я заказала то же, что и она. Нет, во времена нашей дружбы мы еще не пили алкоголь, в кафе брали безалкогольные напитки и... Стоп! Я что, снова думаю о Кире?

— Все бессмысленно, — возвращаюсь я к нашему с Мироном разговору, когда официант уходит. — Мое невезение все равно меня не пустит.